Вырезка из газеты ТРУД
от 25. НОЯ. 1973
г. Москва Газета № .....

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

ВИКТОР РОЗОВ

ЧИТАТЕЛЯМ хорошо известно имя советского драматурга Виктора Розова, автора пьес «В поисках радости», «Вечно живые», «В добрый час», «Ситуация» и других. Пьесы Розова идут на театральных сценах многих наших городов. Некоторые перенесены на экран. Фильмы, созданные на основе его пьес, такие, как «Шумный день» или «Летят журавли», заслужили любовь кинозрителей у нас и за рубежом. Мы попросили Виктора Розова ответить на наши вопросы.

— Как вы пришли в драматургию?

— Острая потребность писать у меня появилась очень рано, еще в отроческие годы. На какое-то время она исчезла, потом возникла снова, с еще большей силой. Я и сам не знал, зачем я пишу, для кого. Просто тянуло писать. Для себя. Да и позже, когда я работал над первыми своими пьесами, увидевшими потом свет, меня не интересовало, будут ли они поставлены. Мою инсценировку «Обыкновенной истории» зритель увидел всего несколько лет назад в театре «Современник». А написал я ее еще в конце тридцатых годов. Прочел роман, пришел в восхищение и увидел его как пьесу. Я был актером, может быть, поэтому и представил то, что меня взволновало, в сценических образах.

Пьесой «Вечно живые» начал свое существование театр «Современник», чем я, кстати, очень горжусь. Но написал я «Вечно живые» задолго до этого и тоже не думал о постановке. Помню, как это было... Сорок второй год. Я вернулся в свою родную Кострому. Приехал из госпиталя, на костылях. Ночь, окна плотно зашторены. Электричества нет, горит коптилка. А у меня перед глазами то, что недавно видел, пережил.

Понимаете, драматургия, как и любой род литературы, — дело исповедническое. На мой взгляд, в ней можно гораздо полнее выразить себя, чем в лирической поэзии. Пьеса подобна целому циклу стихотворений — ведь автор вкладывает в нее свой жизненный опыт, размышления над жизнью, свою боль и свои восторги. И если маленький герой Олег Савин из пьесы «В поисках радости» рубит саблей проклятую мебель, мешающую людям жить, то это я кричу, я хватаю саблю и обрушиваю ее на полированный стол, я вместе с Олегом выражаю свою ненависть к мещанству, которое я сравнил бы не с болотом, а с мертвым морем, океаном, настолько страшна его сила.

— Какие задачи вы ставили перед собой, когда стали профессиональным драматургом? И менялись ли они с течением времени?

— В нашей работе трудно говорить о задачах или целях. Работа наша во многом импульсивна. Замысел пьесы каждый раз приходит в голову от самых разных отправных точек, подчас случайных наблюдений. Они сплетаются с проблемами, которые волнуют автора, и рисунок может получиться совершенно неожиданный. Какие-то линии проявляются ярче, какие-то совсем исчезают. Все это трудно подчинить заранее поставленной цели. Когда есть определенная цель, я пишу статью. Эта работа целиком зависит от логики автора. А у пьесы логика своя, и иногда рациональное вмешательство автора может ее нарушить. Конечно, и здесь необходимо волевое усилие, но оно должно быть направлено на то, чтобы ход пьесы был естественным. Я поясню все это, рассказав, как возникла последняя моя пьеса «Ситуация».

Толчок для нее дал слесарь Московского завода точных измерительных приборов Виктор Маклухин. Он был прототипом главного героя пьесы «Страница жизни» Бориса Богатырева. Так вот, Виктор рассказал мне о том, какой неприятный случай произошел на заводе. Человек получил премию за изобретение, а ему представили список коллег, с которыми он должен был поделиться. Так сказать «на радостях». Других причин не было, коллеги не имели никакого отношения к изобретению. Примерно такой же случай произошел на одном из ленинградских заводов. Там работает мой друг. Он и рассказал мне о том, как человек сделал довольно крупное изобретение и тут же нашлись охотники объявить себя соавторами — без всяких оснований. Почему-то эти мнимые соавторы получили поддержку, и изобретатель — настоящий и единственный — вместо четырех тысяч премии получил — вы не поверите! — всего-навсего сорок рублей. У меня в пьесе на долю изобретателя досталось четыреста — сорок уж слишком невероятная цифра. Я с болью писал об этом. Такая несправедливость ранит людей, тормозит развитие инженерно-технической мысли. Проблема важная, ставить ее необходимо, но пьеса не может держаться только на ней. Эта проблема может стать стержнем фельетона. А в пьесе идея должна быть глубже.

Мои герои сталкиваются с решением практической проблемы, локальной, но в процессе ее разрешения перед ними вырастает другая проблема, более крупная, общечеловеческая. Как бороться за справедливость? Именно как? Ведь очень важно, чтобы в этой борьбе человек не растерял себя, свои лучшие качества. А ведь в жизни, я замечал, часто бывает именно так — доведенный до отчаяния человек озлобляется и нравственно калечит себя. И тогда он теряет моральное право отстаивать справедливость. Вот идея пьесы. Так в рамках ситуации, с которой мне пришлось столкнуться не так давно, я, как мне кажется, затронул проблему, которая с давних пор волнует и меня, и многих людей.

Прообразами моих персонажей часто становятся мои близкие. Доктор Бороздин из «Вечно живых» — это мой отец. А в чем-то мой дядя. Ирина из этой же пьесы по характеру напоминает мою сестру Татьяну. Анна Михайловна — медицинская сестра из казанского госпиталя, где я лежал после ранения. А Вероника почти во всех своих чертах и черточках — моя жена той поры, когда мы с ней оба были юны. Но чаще всего мои персонажи на восемьдесят процентов придуманы на основе встреч со многими людьми.

— Можете ли вы назвать проблемы, которые постоянно вас волнуют?

— Есть вещи, о которых мне хочется говорить со зрителем всегда. Почему иные люди так медленно, с таким трудом становятся лучше? Почему материальное благополучие не всегда этому способствует? Почему в семье, на работе, в троллейбусе, на улице — вообще в жизни — мы часто обижаем друг друга? Ведь душевная грубость развязывает руки всем порокам. Но и доброта, и духовная красота, и стремление к высоким идеалам — все это тоже всегда было и будет свойственно человеку. И мне хочется показать, как это прекрасно, когда люди внимательны друг к другу. По моему убеждению, это самое главное — добрые человеческие отношения. Нет их — и каких бы других благ у человека ни было, жизнь его неудачна, безрадостна. Есть они — есть и тепло, и свет, и радость.

— Ощущаете ли вы действенность вашего творчества в решении нравственных проблем, которые вас волнуют?

— В какой-то степени да. Если люди, сидя в зале, только задумаются над тем, как они живут, правильно ли относятся к себе и друг к другу, значит, спектакль сыгран не зря. Если возникнет спор или даже только потребность в споре, в обсуждении вопросов, поставленных пьесой, или других, которые потянулись за ними вслед,—то и в этом действенность пьесы. Потому что она заставляет работать мысль. Я часто встречаюсь со зрителями, и вот, если есть контакт с аудиторией, если разговор получается, то я понимаю — спектакль взволновал. Ведь если людям интересно поговорить с автором, значит, что-то в них осталось.

— Поделитесь, пожалуйста, своими планами.

— Обычно я не рассказываю о своих замыслах. Могу только сказать, что их много. Я задумал три пьесы и один сценарий. Все это частично в голове, частично на бумаге. А одна пьеса почти готова. Проблемы этих будущих произведений — те, что волнуют меня всегда.

Интервью вела
Е. БЕЛОСТОЦКАЯ.

197